

Елена Крюкова

КОЛОКОЛ

Елена Крюкова родилась в 1956 году в г. Куйбышеве.
С 1959 года живет в г. Горьком. В 1980 году окончила
Московскую консерваторию им. П. И. Чайковского
по классу фортепиано и органа.
Работала в Горьком и в Иркутске,
концертировала как пианистка и органистка.
В настоящее время работает концертмейстером
вокального класса в Горьковской консерватории.
Печаталась в журнале «Юность» (1984 г.),
в альманахе «Поэзия» (Москва, Молодая гвардия,
1984 г.), в журнале «Студенческий меридиан»
(1985 г., № 3), альманахе «Истоки» (1985 г.)

K84(2Poc=рус)
K85

*Елена
Крюкова*

КОЛОКОЛ

СТИХИ

ЦБС Приокского района

* U 9 2 4 0 *

Горький
Волго-Вятское
книжное

издательство

Центральная районная
библиотека им Т.Г. Шевченко
МКУК ЦБС Приокского района

Читальный зал
МКУК ЦБС Приокского района

84P7

K78

Рецензент —
член СП СССР Ю. А. Адрианов

Крюкова Е.

K78 Колокол: Стихи.— Горький: Волго-Вятское
кн. изд-во, 1986.—31 с.

15 коп.

Сочетание повышенной экспрессивности и романтической настроенности с изображением самых животрепещущих проблем нашей современности придадут первой книге молодой поэтессы особую динамичность и остроту.

К 4702010200—087 42—86
M140(03)—86

84P7

© Волго-Вятское книжное издательство, 1986

совали его напоследок в мешок игрушкой
деревянную,
а поезд тускло блестел всеми окнами беззвездными,
и я держала в руке своей руку родную,
как рюмку стеклянную.

А вокруг!— плакало дождями,
утиралось ветрами,
украшалось бедными снегами лицо народа столікое,
и жгла живот старухи, уткнувшись, девочка — свечкою,
и прямо на горький Восток уходила дорога великая.
И я стояла на лютom морозе, смеялась,
себя не помнила,
сыпала наспех слова,
чтоб склевали родные голуби,
ломала себя прощальным пирогом,
слепо делила поровну,
чтоб напоследок хоть раз никто не чувствовал
голода...

А вокруг!— люди сыпались хвоей седой,
Москву раскупали к празднику,
чтоб с собой увезти детишкам в свои города
сибирские,
и в горькой, соленой толпе торчали изюмные лица
праздные,
и покрытые сажей вагонные трубы пахли,
как пряники имбирные...
И ложилась страна, развязавши у горла платки,
в одну постель дорожную,
и, вздыхая, инвалиды бережно, будто гранили алмаз,
жесткую воблу чистили,
и стояла я у вагона, как у края судьбы
невозможного,
и только плакала, а за меня во тьме полушарья
извилины рельсов жизнь мою
мыслили.

МАТРЕШКА

Стою, замерзшая синичка,
На дне вокзального котла.
Снежинкой, словно белой спичкой,
Зима ладонь мне обожгла.

Я рукавицей губы грею,
И зверем пахнет мертвый пух.
И вдоль перрона все острее
Мешочный, хлебный зимний дух.

А от московских колоколен,
Как бы от яблок, желтый свет.
И мир горячим детством болен
И в рукава мои продет.

Стою, морозная матрешка.
И на морозе столбовом
Под меховую детской дошкой —
Грядущий путь, грядущий дом.

Толпа вокзальная нахлынет
На детский ледяной редут...
В шинелях с запахом полыни
Солдаты юные идут.

Смешной солдатик гололобый,
С мешком холщовым на спине,
В прощальном молодом ознобе
Вдруг наклоняется ко мне.

Ночь сыплет снеговую стружкой.
И он, веселый и живой,
Кладет в ладони мне игрушку —
Матрешку с детской головой.

ИРКУТСКИЕ КАЗАРМЫ

Василию

В ночи из-за вьюжного, в искрах,
рядна,
За лунной холстиной метели
Два вшитых погонами строгих окна
Проглянули — и запотели.

То были казармы. Их красный кирпич,
Как знамя, дрожал и лучился.
Здесь каждый войну мог
в ученьях постичь,
Ей целых два года учился.

Солдат брили наголо,
будто больных,
Лишь детством болевших единым...
Пол плыл под ногой на тревогах
ночных,
Качался огромною льдиной.

Вот так же и сына однажды возьмут
На звонкое ратное дело.
В каптерке ему гимнастерку дадут —
Скрыть наглухо юное тело.

Обучат винтовкой тяжелой владеть,
Железным играть автоматом,—
И, может, от горя мгновенно сесть,
И всаживать в землю лопату...

Я птицу рыданья в руке удержу,
Чтоб только улыбка застыла
Дорогою зимней — по ней уношу
Младенца в глубь памяти-тыла.

СЫН

Диптих. Легенда

1

Ноги маленькой церквушки
Моют ясные ручки.
На горячечной подушке —
Щеки жаркие мои.

Я рожая. Неужели
Святки, сани, Страшный суд,
Колыбели и купели —
Все вот к этому ведут?

Раздерут парчовый полог
Руки толстых повитух:
— Ох, царица, день недолог —
Примем, примем сразу двух!

Заволокнут слепотою,
Как окошком слюдяным,
Белый свет. И надо мною
Из кадила — белый дым.

Что — никак уж отведают?!
Медь оклада жжет губу...
Больно — я еще живая!
В простынях, а не в гробу!

Глаз смолою застывает.
Яблоком — в росинках — лоб.
Нарастает, опадает
Тела бешеный сугроб.

Не хочу уже ни счастья,
Ни наследья, ни венца —
Умереть бы в одночасье,
Чтоб не видели лица!

И в последней смертной муке,
Бабе данной на роду,
Простыню отжали руки,
Как крестьянка на пруду!

И скользнула жизни рыбка
Из глубин моих морей!
И взошла моя улыбка,
Как у божьих матерей!

Вот он, сын мой, вот прекрасный!
Я ждала его давно...
Был царевич темно-красный,
Как заморское вино.

2

Об одном молиться буду
И в жару и в холода:
— Смертны все... Яви же чудо —
Пусть он будет жить всегда!

Но над градом трубы грянут,
Про войну приснится сон.
И в глаза мои заглянут
Очи дедовских икон.

Тот комочек вечной плоти,
Что когда-то жил во мне,—
В чистом поле, в конском поте
Умирает на войне.

Кинутся ко мне:

— Царица!..—

Волю бабьим воплям дам.
И на площадях столицы
Много золота раздам.

И руками, как окладом,
Закрывая черный лик,
Вдруг услышу где-то рядом
Колыбельный резкий крик.

ОРГАН

Ночная репетиция.

Из рам

Плывут портреты — медленно, как льдины.
Орган стоит. Он — первобытный храм,
Где камень, медь и дерево — едины,
Прочь туфли. Как в пустыне — босиком,
В коротком платье, чтобы видеть ноги,
Я подхожу — слепящим языком
Огонь так лижет идолов убогих.
Мне здесь разрешено всю ночь сидеть.
И в кулаке — тяжелый ключ от зала...
И мне возможно в полный голос спеть
То, что вчера я шепотом сказала.
На пульте — ноты. Как они темны
Для тех, кто шифра этого не знает!..
Сажусь. Играть? Нет, плакать. Видеть сны —
О том лишь, как живут и умирают.

Я чувствовала холод звездных дыр.
Бредовая затея святотатца —
Сыграть любовь. И старая, как мир,—
И суетно, и несподручно браться.

Я вырывала скользкие штифты.
Я мукой музыки, светясь и мучась,
Вдруг обняла тебя, и то был ты,
Не дух, но плоть, не случай был,
но участи
И чтоб слышней был этот крик любви,
Я боль ее, и ость ее, и пламя
Вгоняла в зубы-клавиши: живи
Регистром vox humanum между нами!

А дерево ножной клавиатуры
Колодезным скрипело журавлем.
Я шла, как ходят в битву, напролом,
Входила в них, как в землю входят буры,
Давила их, как черный виноград
По осени в гудящих давят чанах,
Я шла по ним к рождению, назад,
И под ногами вся земля кричала!
Как будто солнце, сердце поднялось,
Колени розовели в напряженье.
Горячих клавиш масло растеклось,
Познав свободу взрыва и движенья.
Я с ужасом почувствовала вдруг
Живую скользкость жаркой потной кожи
И под руками — плоть горячих рук,
Рванувшихся в ответной острой дрожи...
Орган, раскрыв меня сухим стручком,
Сам, как земля, разверзшись до предела,
Вдруг обнажил — всем зевом, языком
И криком — человеческое тело.
Я четко различала голоса.
Вот вопль страданья —
резко рот распялен —
О том, что и в любви сказать нельзя
В высоких тюрьмах человеческих спален.
Вот тяжкий стон глухого старика:

Над всеми і стоят кресты и точки,
А музыка, как никогда, близка —
Вот здесь, в морщине, в съжившейся мочке...
И голос твой. Вот он — над головой.
Космически, чудовищно усилен,
Кричит он мне, что вечно он живой.
И в самой смертной из земных давлен.
И не руками — лезвием локтей,
Щеками, чья в слезах, как в ливнях,
мякоть,

Играю я — себя, тебя, детей,
Родителей, людей, что нам оплакаты
Играю я все реки и моря,
Тщету открытых заново Америк,
Все войны, где бросали якоря,
В крови не видя пограничный берег...
Играю я у мира на краю.
Конечен он. Но я так не хотела!
Играю, забирая в жизнь свою,
Как в самолет, твое худое тело..

Орган ревет! Орган свое сыграл.
Остался крик, бескрайний,
как равнина.

Остался клавиш мертвенный оскал
Да по углам и в трубах — паутина.
Орган ревет! И больше нет меня.
Так вот, любовь, какая ты!

Скукожит
В комок золы безумием огня,
И не поймешь, что день последний прожит.
Ты смял меня, втянул, испепелил.
Вот музыки владетельная сила!

Когда бы так живую ты любил.
Когда бы так живого я любила...

...И будешь жить.

Закроешь все штифты.

Пусть кузня отдохнет до новых зарев.
И ноты соберешь без суеты,
Прикрыв глаза тяжелыми слезами.
О, тихо... Лампа сыплет соль лучей.
Консерваторская крадется кошка
Дощатой сценой... В этот мир людей
Я возвращаюсь робко и сторожко.
Комком зверья, неряшливым теплом
Лежит на стуле зимняя одежда,
И снег летит беззвучно за стеклом —
Без права прозвучать и без надежды...
Босые ноги мерзнут: холода.
Я нынче, милый, славно потрудилась.
Но так нельзя безмерно и всегда.
Должно быть, это божеская милость.
А слово «милость» слаще, чем «любовь» —
В нем звуки на ветру не истрепались...
Лишь голос в мире есть. И нету слов.
И в тишине болит разбитый палец.

...Ботинки, шарф, ключи...

А там пурга,

Как исстари. И в ноздри крупка снега
Вонзается. Трамвайная дуга
Пылает факелом ночного бега.
Все вечно на изменчивой земле.
Снег, как рентген, просвечивая, студит.
Но музыки в невыносимой мгле
Такой, как нынче, никогда не будет.
Стою одна в круженье белых лент,
Одна в ночи и в этом мире белом.
И мой орган — всего лишь Инструмент,
Которым вечность зимнюю
согрела.

Голубушки, жизнь, как лепешка, вкусна,
А сын мой здоровый, живой!

Кормись, мой родимый! Я нынче — еда,
Святое слепое питье.
А после прозренья придет и беда,
И радость затопит ее.

И жить будет трудно, как поезд вести,
И жить будет сладостно так,
Когда нас земля, подержавши в горсти,
Зажмет в слепошарый кулак.

ЗВЕЗДНЫЙ ХОД ОМУЛЯ

Близ байкальской синей шири,
Между выжженных камней
Мы одни лежали в мире —
Много мигов или дней...

Звезды в небесах звенели.
И во тьме бездонных вод,
Как сердцебиенье — в теле,
Начинался звездный ход.

Черная вода мерцала.
Стыла медная луна
И плыла по дну Байкала,
Как гигантская блесна.

И остроугольной глыбой
В черной водяной дали
Шел косяк светящей рыбы —
Это звезды тихо шли.

Это звезды плыли к дому —
Мимо Солнца и планет...
— Вот, Елена, это омуль...
— Это звезды, — я в ответ.

Ходом жизни скоротечным
Звезды шли, чтоб отгореть.
Рыба шла путем извечным —
Чтоб родить и умереть.

Мы видали рыбыи спины.
Мы молчали — что слова?
Звезды вспыхнут и остынут.
Только жизнь одна жива.

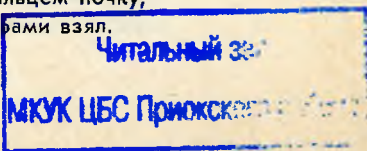
Только жизнь слепая свята —
А идет так напролом:
В раненой груди солдата,
В страшном крике родовом,

И в объятиях, что вроде
Ветра
    с вьюгой пополам,
В омулевом звездном ходе,
Непонятном смертным нам.

ЛЕС

Пусть выстрел нас настигнет меткий.
Пусть тьмы никто не избежит.
Но, вся в снегу, рябины ветка
Под ветром гроздьями дрожит.

Охотник тронул пальцем почку,
Нагнул — и снег губами взял.

Погладил взглядом, будто дочку...
И, как жену, поцеловал.

Охотничьи перчатки лягут
В сугроб, на мерзлый краснотал...
Смеясь, он горечь красных ягод,
Как сахар — пацаном, глотал!

И так она над ним светилась,
Горела кровью изнутри,
И ягодами к ней лепились,
Пылали свечи-снегири!

И так она над ним дрожала —
Сильней, чем зверь и человек:
Живую душу в нем рождала
И пеленала в мягкий снег...

В январской горестной остуде
Да кто же мы на сей земле —
Деревья, звери, звезды, люди
И ветры в полуночной мгле?..

ЛЕДОХОД

Владимиру Васильеву

Распахнулись два синих крыла:
Сверху — небо, а снизу — река.
На обрыве стою, как ветла,
И ветвями лечу в облака!

На полмира — зеркало воды:
Отражайся, луна и звезда!
Вот пройдут эти синие льды —
Не вернутся уже никогда!

И что не любит женщина мужчину,
Бесстрашно уходя за ним во тьму.

До дома оставалось так немного!
Кололи звезды мокрую щеку...
И он запел о том, что видел бога
С таким лицом, что впору мужику.

Он не сробел, не упустил натуру:
Поговорил

и выпил с мужиком,
А между делом всю его фигуру
Обвел веселым золотым мазком.

Мужик смеялся! Бородою белой,
Как Дед Мороз под елкою, сиял.
И на прощанье —

уж такое дело —
Художника в лицо поцеловал...

Так говорил свою хмельную сказку,
Снег отгоняя, как табачный дым.
И там, где шел он,

вьюга пахла краской,
И песня шла, как женщина, за ним.

ЧАЕПИТИЕ

...Сейчас мы этот горький чай допьем,
И в разговорах жизнь перевернем,
Дом оглядим и утварь всю запоем —
Горящие посудные бока...
Хозяйку поцелуем. И — пока!
И улиц пустоту собой

заполним!..

Но страх внезапно холодом дохнул.
С небес донесся самолетный гул.
И выпили мы чай холодный, плача,
На чадной кухне в зимней полумгле —
Ушедших поминая на земле
И думая о будущих тем паче.

РЫНОК

Я — ребенок. Ночами мне снится
Елка в точках тигриных зрачков.
Я тащу за собой рукавицы —
Двух привязанных белых щенков.

Я сижу на коленях у мамы,
Как большой золотой самовар.
И гулять направляюсь упрямо
Не во двор, а на зимний базар.

Стружки белые пахнут цветами.
Огурец толстокожий горчит.
Черной лапою звезды хватая,
Над торговками елка торчит.

Льется медленной медью из крынки
Желтый мед на морозе густом.
Чем-то доверху полны корзинки
И прикрыты капустным листом.

Сыплют красные грубые пальцы
На прилавок седой из мешка
Деревянных медведей и зайцев,
Словно ягоды из туюска.

Я мечтаю о зайце дубовом.
Я цветочного меда хочу.

Денег нет. Я серебряным словом
И отчаяньем детским плачу.

Я стою — чуть пониже прилавка,
Словно яблоко, желтый помпон.
Пахнет снегом, рассолом и травкой
От распахнутых шубой времен.

Мать берет меня на руки круто
И несет меж торговых рядов —
От зимы сухорукой и лютой,
Из счастливых еловых годов,

Мимо ругани, купли-продажи,
Мимо ягод в замерзшей
горсти —

В жизнь,
тяжелую, словно поклажа,
Что так сладко и горько нести.

КОНТРАБАСИСТ

Контрабасист, седой старик,
Носильщик музыки меж нами!
К футляру ты щекой приник
В метро, как в оркестровой яме.

А все толпятся и гудят
Одной басовою струною,
И лица потные блестят
Помадой, смехом, сединою...

И мир в вагонах под землей
Несется, бешеный, как вьюга!
И под привычный свист и вой
Ты дремлешь, обнимая друга.

И поезд по кольцу — опять.
И не сдержат слепого гона!
О, дайте Музыке поспать:
Она ведь отроду бессонна.

ВРЕМЯ

...И ночь пришла без звезд, совсем одна,
И мимо склянки капала лекарством.
Никто в дому не спал: ворота сна
Закрылись, словно вход в иное царство.
На кухне плакал кран. Настольный свет
Под марлею накинутой сочился.
И так пугали молнии примет:
И нож упал, и дом пустой приснился...
Высокие подушки деда жгли.
Не двигался,— лишь вбок и вдаль косили
Глаза — как будто видели вдали
То, что всю жизнь внутри себя носили.
Последнюю осуществляли связь
С земной юдолью бабушкины руки:
В рубахе белой, плача и крестясь,
Давала пить, накладывала мазь,
Спасая жизнь
и продлевая муки.

И вдруг часы, что со времен войны
Висели молча над беленой печью,
Заговорили в сердце тишины
Бессмертной, медной, медленною речью.
Горячий звон висел в тяжелой мгле,
Как будто златокузнецы ковали
Оружие от смерти на земле —
И все, кто умер, снова оживали!
А в комнате стоял такой мороз,
Что внукам было некуда укрыться,

Сыграть любовь...

И в песне колыбельной
Мать-музыка склоняется над ним.

ФЕДОСЬЯ КОНСТАНТИНОВНА

Свет стоит осенний и осинový —
Не успеешь вытереть слезу...
Еду я к Федосье Константиновне,
Ей пирог с вязигою везу.
В доме престарелых, будто в горнице,
Тишина с глазами в пол-лица.
И старухи вяжут речь вполголоса,
Как клубок, мотая жизнь с конца.
Здравствуйте, Федосья Константиновна.
Здравствуйте — на долгие века...
И дрожит, дрожит листом осинovým
Девяностолетняя щека.
Я не верю, что однажды сбудется
Черная неслышимая ночь.
Угощаю пирогом и булками
Старую купеческую дочь.
Искупаю слабою заботою
И дешевым сладеньким вином
Всю вину перед людьми забытыми
И тоску живого о живом.
Медсестрички здесь нежней,
чем бабочки,—
Мимо лиц летают, мимо рук...
— Кланяйся и матушке, и батюшке!..—
И в глазах — как накрошили лук.
Сердце ее сморщенное замерло,
В жизнь ища последний узкий лаз.
И прощаньем высвечены намертво
Впадины ее бесстрашных глаз.

МУЛАТКА В ЕЛОХОВСКОЙ ЦЕРКВИ

А. Жигулину

И светилась икона, как будто заплатка,
На исподнем московского храма...
И стояла в толпе молодая мулатка,
Иностранная юная дама.

Пели «Всенощную» для гостей и туристов.
И тепло было в храме, как в чуме!..
А она, как ребенок, так плакала чисто,
Что я думала — кто-нибудь умер.

Так стояли в толпе два струящихся глаза,
Словно черные, в вечность, колодцы...
Неужели никто, никогда и ни разу
С горних высей сюда не вернется?

Так качалась — под ветром лозой обгорелой,
В такт мелодии, в платице белом.
Обернувшись, вдруг в сердце мое посмотрела —
И на ломаном русском запела.

Голос дрожью прошелся от стержней басовых
До сияющих облачных граней...
И во тьму покатались тугие оковы
Окольцованных наших дыханий.

На груди ее черный божок деревянный
Трепыхался на грубой бечевке...
Знает идол насмешливый и окаянный
Все молитвы людей, все уловки.

Но чего же мы просим на кухнях чадящих
И на ложах, разобранных наспех?

И смотрят повитухи-войны,
Как в родах корчится Земля!

И принимают в холст плакатов,
Где вместо краски стынет кровь,
Седые старые солдаты
Девчонку Жизнь,
Дитя Любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

Ярославский вокзал	3
Прощание	4
Матрешка	6
Иркутские казармы	7
Сын. Диптих. Легенда	9
Орган	11
«Синеет морозно бутылъ с молоком...»	15
Звездный ход омуля	16
Лес	17
Ледоход	18
Пожар в мастерской	19
Песня	20
Чаепитие	21
Рынок	22
Контрабасист	23
Время	24
Колыбельная	25
Федосья Константиновна	26
Мулатка в Елоховской церкви	27
Колокол	28
«Орали — воинов рожали...»	29

Елена Николаевна Крюкова

КОЛОКОЛ

Стихи

Редактор **З. С. Колодина**
Художник **С. А. Шабанов**
Худож. редактор **В. В. Кременецкий**
Техн. редактор **Г. В. Стачева**
Корректор **Н. Ю. Махалова**

ИБ № 1527

Сдано в набор 28.04.86. Подписано к печати 14.11.86. МЦ 01225. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать высокая. Усл.-печ. л. 1,3. Уч.-изд. л. 1,26. Усл. кр.-отт. 1,54. Тираж 3000 экз. Заказ № 4669. Цена 15 коп.

Волго-Вятское книжное издательство, 603019, г. Горький, Кремль, 4-й корпус.

Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

№9240-1экз.

К84 (2Рос=Рус) 6

К 85

Крюкова, Е.

Колокол.

0-15

15 коп.